

**ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ
СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ (1945 г. – НАЧАЛО 1950-х гг.)**

После окончания второй мировой войны советское руководство длительное время использовало принудительные переселения как один из действенных методов внутренней политики. О масштабах послевоенного депортирования и географии размещения спецпоселенцев в Красноярском крае размышляет автор статьи.

Депортации производились преимущественно из западных (присоединенных) областей СССР. Репрессивные методы, наряду с проведением социалистических преобразований, обеспечивали здесь закрепление советской власти. «Второе пришествие» советской власти местные жители встречали без энтузиазма. Упорное сопротивление Красной армии оказало население Западной Украины и Литвы. На указанных территориях действовали крупные националистические организации ОУН – УПА (Организация украинских националистов – Украинская повстанческая армия) и ЛОА (Литовская освободительная армия). Участники указанных формирований представляли собой хорошо организованные боевые отряды. По данным исследователей А.В. Борисова и А.Н. Дугина, только в Литве за период с октября 1946 г. по март 1947 г. были раскрыты и ликвидированы 136 антисоветских организаций и групп, убиты 776 человек и арестованы свыше 3000 человек из числа антисоветских элементов. Отряды располагали обширной агентурой, формировавшейся в основном из родственников и знакомых¹. Не менее ожесточенное сопротивление новой власти оказывали «оуновцы». На территории западных областей Украины за 1945–1953 гг. ими было совершено свыше 14000 террористических и диверсионных актов.

На Украине «оуновцы» представляли для советской власти серьезную идеологическую опасность. После окончания Второй мировой войны руководство УПА выступило с достаточно демократической программой: «за образование украинского государства без помещиков и капиталистов, без большевистских комиссаров, «энкаведистов» и партийных паразитов, за ликвидацию большевистских колхозов, за передачу всей земли крестьянам без выкупа, за равноправие национальных меньшинств, установление либеральных прав и свобод».² Такой сплав национальных и демократических идей вызывал отклик среди местного населения, напуганного «советским вариантом демократии» – предвоенными репрессиями НКВД. Наиболее восприимчивыми адептами «оуновской» пропаганды были семьи участников организации. Изоляция родственников националистов позволяла сторонникам советской власти вести идеологическую работу более эффективно. ЦК ВКП(б) неоднократно указывал местным парторганизациям на необходимость усиления политической и идеологической борьбы против националистов, требовал «разоблачать их идеологию и деятельность как злейших врагов украинского народа».³

В целом политика «советизации» новых территорий, на наш взгляд, отражала имперские амбиции СССР. Не вызывает сомнений, что они не могли быть реализованы мирным путем. Соответственно депортации можно считать одним из методов утверждения советской власти на присоединенных землях.

Очевидно, что послевоенные депортации имели не столько национальный, сколько социально-политический подтекст. Правительство теперь производило «чистку» отдельных этносов, не переселяя их целиком. Оно стремилось путем депортации изолировать враждебную часть населения Западных Украины, Белоруссии и республик Прибалтики. На спецпоселение отправлялись семьи тех, кто активно противодействовал установлению новой власти: осужденных, убитых, находящихся на нелегальном положении националистов и бандитов, а также кулаков.

Как правило, при проведении депортаций круг переселяемых расширялся, поскольку, по сложившейся практике, местные карательные органы имели собственное представление о социальной опасности, поэтому вместе с кулаками могли быть переселены середняцкие и бедняцкие семьи.

В первые послевоенные годы депортация использовалась так же, как мера наказания за сотрудничество с немецкими оккупантами. Так, на спецпоселение были определены «власовцы» и семьи «фольксдойче». Их национальный состав был разнородным, и потому обозначение «национальные спецконтингенты», используемое в военные годы для немцев, калмыков, финнов, здесь едва ли применимо. Например, среди учтенных на спецпоселении в крае 5803 «власовцев» (1949–1953 гг.) были белорусы (53 чел.), армяне (197 чел.), татары (188 чел.), азербайджанцы (403 чел.), грузины (214 чел.) немцы (203 чел.), русские (2309 чел.), украинцы (1051 чел.), прочие национальности (1185 чел.)⁴.

На спецпоселение в послевоенные годы были направлены многие репатрианты. По мнению П.Я. Поляна, после окончания Второй мировой войны указанный контингент составляли три категории бывших советских граждан – военнопленные, остарбайтеры и беженцы⁵. По возвращении на родину их судьба решалась в проверочно-фильтрационных лагерях. Репатрианты, относившиеся по национальности к репрессированным народам, разделили судьбу последних. В местах ссылки они вливались в уже имевшиеся национальные контингенты. Таким образом, депортации репатриантов по национальному признаку можно считать своеобразным «эхом» предыдущей репрессивной политики советского руководства в отношении «наказанных» народов.

Используя старые и создавая новые спецконтингенты, государство решало сразу несколько задач – увеличивало количество подневольной рабочей силы, изолировало явных «врагов Советской власти», продолжало колонизацию северных и восточных малообжитых районов страны.

Как и в предыдущий период (накануне и в годы Великой Отечественной войны), сибирский регион занимал важнейшее место в реализации указанных правительственных задач. За 1945–1953 гг. численность спецпереселенцев в Западной Сибири возросла в 1,4 раза, в Восточной Сибири – в 1,6 раза. В Красноярский край спецконтингенты поступали бесперебойно. Если в августе 1944 г. крайком ВКП(б) сообщал о расселении в крае 107381 спецпереселенца, то к январю 1952 г. на спецучете в местных комендатурах состояли уже 148255 человек⁶. Столь значительный прирост был обеспечен за счет депортированных после войны контингентов из Прибалтики, «оуновцев», «власовцев», «указников». Красноярский край стал уникальным в своем роде сибирским регионом, где были масштабно представлены почти все послевоенные контингенты депортированных.

В конце 1940-х гг. система спецпоселений пополнилась контингентами «ссылно-поселенцев», «ссылных» и «высланных». Согласно Постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г., местами их пребывания могли стать только районы Колымы, Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50 км севернее Транссиба, а также ряд областей в Казахской ССР. В 1952 г. МГБ СССР, в ведении которого находился отдел спецпоселений, давал следующие пояснения о составе указанных контингентов: к ссылно-поселенцам относятся лица, направленные (после отбытия наказания) в ссылку на поселение навечно – шпионы, участники политических и буржуазно-националистических партий и групп, террористы, диверсанты, вредители, саботажники, участники религиозных антисоветских организаций, бывшие лица привилегированных сословий и т.д.; к ссылным и высланным относятся лица, направленные в ссылку или высланные под надзор МГБ на сроки по решениям суда. Ссылными считались изменники Родины и члены их семей, пособники немецких оккупантов, члены семей троцкистов, правых и других, высланных в 1937 г. Уголовные и антисоветские элементы могли быть направлены судом на спецпоселение как ссылные и как высланные. На 1 января 1953 г. в СССР общее количество ссылно-поселенцев, ссылных и высланных составило 65332 человек. Красноярский край лидировал среди других регионов страны по количеству указанных контингентов – в 1953 г. под надзором органов УМГБ находилось 31420 человек (48,09%), в т.ч. 28176 – ссылно-поселенцев, 1138 – ссылных, 2106 – высланных⁷.

Продолжавшиеся принудительные переселения окончательно утвердили за краем репутацию «ссылного» и к моменту прекращения массовых репрессий он уступал по количеству спецпереселенцев только Казахской и Узбекской ССР, но значительно превосходил по этим показателям своих «соседей».

Вероятно, такие характеристики, как малая заселенность, большая протяженность, интенсивное развитие промышленности делали край привлекательным, с точки зрения отправки в него «социально опасных элементов» разных национальностей.

Одним из таких «социально неблагонадежных» спецконтингентов были семьи «оуновцев», которых продолжали депортировать с Украины и в послевоенные годы.

За период 1945–1948 гг. их численность в Красноярском крае увеличилась по сравнению с военным временем в 2,5 раза, составив на 1 января 1949 г. 5385 человек⁸.

Совет Министров СССР в Постановлении от 4 октября 1948 г. разрешил МГБ проводить переселение «семей бандитов и погромщиков» из западных областей УССР по решению Особого совещания. В 1949 г. из Западной Украины на поселение за Урал прибыли еще 74 тыс. человек, в т.ч. 1691 – в Красноярский край.⁹ В итоге к началу 1952 г. на спецпоселении в крае находились 13717 «оуновцев».

По национальному составу большинство «оуновцев» были украинцами. Уровень образования украинского контингента был невысоким: большая часть взрослых спецпереселенцев-«оуновцев» была малограмотной, а четверть вообще не умела читать и писать. Вероятно, это обстоятельство стало дополнительным аргументом в решении вопроса об их трудовом использовании на неквалифицированных трудоемких работах в промышленности и сельском хозяйстве.

Размещение переселенцев происходило по всей территории края. В 1952 г. они проживали в 37 районах, включая г. Красноярск, под надзором 127 местных спецкомендатур. «Оуновцев» не изолировали от местного населения. Их расселили в колхозах и совхозах, часть семей находилась в районных центрах или центральных усадьбах местных колхозов. Более 500 человек работали на Красноярских заводах и свыше 200 – на предприятиях Черногорска.

Наиболее многочисленные группы «оуновцев» находились в четырех лесопромышленных районах края (Нижне-Ингашском, Игарском, Манском, Рыбинском) и в трех районах Хакасии – Усть-Абаканском, Таштыпском, Боградском. На указанных территориях сосредоточилась половина спецконтингента.

Небольшой контингент «власовцев» имел свои особенности при размещении в Красноярском крае. Он подвергся тщательному раздроблению. 6741 человек, находившихся на спецпоселении в начале 1952 г., были расселены в 38 районах под надзор 105 спецкомендатур УМВД. Только в пяти районах края (Артемовском, Енисейском, Рыбинском, Северо-Енисейском, Ширинском) и двух городах (Красноярске и Черногорске), где бурно развивалось промышленное производство, их проживание было относительно компактным (от 500 до 730 чел. в районе). Здесь же находилась большая часть контингента – 57,5%.¹⁰ В сельскохозяйственных районах юга края он был представлен слабо.

Отмеченное распыление контингента по территории края отвечало общим задачам его содержания – предотвратить консолидацию и пресечь возможную антисоветскую деятельность. Советские карательные органы по вполне понятным причинам относили «власовцев» к числу наименее благонадежных в политическом отношении спецпоселенцев. Источники влияния на них были ограничены – среди «власовцев» не было ни одного коммуниста.

Особенностью контингента был его исключительно мужской состав. В Красноярском крае в начале 1950-х гг., по данным переучета УМВД, насчитывалось 5790 мужчин и всего 13 женщин. В основном это были бывшие военнослужащие Советской армии (4798 чел.), в т.ч. 4326 рядовых, 392 сержанта, 80 офицеров¹¹.

По истечении шестилетнего срока спецпоселения, «власовцы» подлежали освобождению из мест ссылки (Постановление Совета Министров СССР от 7 октября 1951 г.). Но в Красноярском крае этот процесс шел особенно медленно, вследствие чего часть контингента еще в течение 2-х лет оставалась на спецпоселении. Свой спецпоселенческий статус сохранили и те «власовцы», кто по национальности принадлежал к числу репрессированных народов. Их просто переводили из одной категории спецпоселенцев в другую. Таким образом, численность национальных контингентов увеличивалась даже после окончания их массовых депортаций.

Во второй половине 1940-х гг. система спецпоселений активно «подпитывалась» за счет прибалтийских контингентов. В Сибирь выслались семьи националистов и кулаков. Всего за период 1945–1949 гг. на спецпоселение поступило 142543 человек¹². Красноярский край принял к началу 1950-х гг. свыше 36 тыс. бывших жителей Прибалтики.

Наиболее массовой была литовская ссылка. В документах архивов Красноярского края зафиксировано, что большая часть литовского спецконтингента была переселена в край в 1948 г. в результате реализации Постановления Совета Министров СССР от 21 февраля этого года о выселении из Литовской ССР членов семей бандитов и националистов, а также кулаков с семьями. Тогда на спецпоселение направили свыше 23000 человек¹³.

О предстоящем размещении многочисленного литовского контингента руководству края было известно заранее. Согласно разработанного плана, принимающими организациями выступали лесопромышленные тресты «Хакаслес» (800 семей), «Красхимлес» (1200 семей), «Краслес» (2400 семей), «Красдрев» (2800 семей). Крайком и крайисполком обязали руководителей трестов заранее подготовить необходимое количество жилого фонда, бытового инвентаря, одежды и обуви для переселенцев. Тем не менее, непосредственно перед прибытием контингента, в конце мая 1948 г., большинство организаций не были полностью готовы к приему депортированных – дефицит жилого фонда составлял 12456 кв.м., а значительная часть имеющейся жилплощади требовала серьезного ремонта. В результате многие семьи попали в непригодное для жилья помещение, жили скученно в антисанитарных условиях.

Большое количество спецпереселенцев из Прибалтики не позволило «распылить» их по территории края мелкими группами. По прибытии в Красноярск многие семьи сразу же отправлялись на пароходах в северные районы края.

В итоге в северные и восточные районы Красноярского края, где существовала сеть лесозаготовительных хозяйств, попали свыше 20 тыс. литовских переселенцев. Самые многочисленные контингенты находились в Богучанском (925 чел.), Енисейском (987 чел.), Игарском (3449 чел.), Казачинском (1216 чел.),

Нижне-Ингашском (3079 чел.), Партизанском (1330 чел.) районах¹⁴. К 1952 г. депортированные из Литвы были размещены в 30 районах края под надзором 80 местных комендатур.

Следующая волна массовых переселений пришла на март 1949 г., когда по Постановлению Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР выселяли кулаков с семьями, а также семьи бандитов и националистов. Уже после начала операции, 26 марта 1949 г., Красноярский УМВД сообщал в Москву, что при существующей нехватке жилого фонда сможет принять только 4 тыс. семей. По предварительному плану новый контингент предполагалось разместить в 43 районах края – 2470 семей в колхозах и 1530 семей в совхозах¹⁵.

С 6 по 16 апреля 12 эшелонов из Прибалтики прибыли на станции разгрузки Красноярской железной дороги. Вместо заявленных ранее 4 тыс. семей, фактически в край были доставлены 4902 семьи спецпоселенцев, которых из-за весенней распутицы и нехватки жилья пришлось расселять очень компактно в 36 районах.

Большая группа прибалтийского контингента была направлена на поселение осенью 1951 г. В Красноярский край их прибыло больше, чем в другие регионы – свыше 10000 чел.¹⁶ Расселение контингента «кулаков из Литвы» имело в крае свою специфику. По сведениям архива ГУВД КК, «литовские кулаки» состояли на учете в 52 спецкомендатурах и были расселены в 21 районе края. Большая часть была направлена в сельскохозяйственные районы – Ужурский, Сухобузимский, Новоселовский, Назаровский, Краснотуранский, Ачинский, Березовский, Боготольский, Канский. Здесь размещалось 64,7% от общей численности спецконтингента.

В послевоенный период в крае оставался еще один контингент, в котором депортированные из Прибалтики составляли большинство – ссыльнопоселенцы 1940–1941 гг.. По данным УМГБ КК, в апреле 1952 г. всего на спецпоселении находилось 4128 человек указанного контингента, в т. ч. из Западной Украины – 95 чел. (22 муж. и 73 жен.), Молдавии – 12 чел. (3 муж. и 9 жен.), Прибалтики – 4021 чел. (1136 муж. и 2910 жен.). Основную массу в этой группе вынужденных переселенцев составляли латыши¹⁷.

В конце 1948 г. в крае появились новые спецпоселенцы – «указники». 21 февраля 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял секретный указ, согласно которому из Украинской ССР выселялись лица, «злостно уклоняющиеся от трудовой деятельности и ведущие антиобщественный и паразитический образ жизни». В течение года действие указа было распространено на всю территорию СССР. В итоге данный контингент не приобрел четкой национальной окраски. Решение о выселении «тунеядцев» с подачи местного руководства принимали колхозные собрания и сельские сходы. На основании указа колхозников выселяли в отдаленные районы страны, как правило, на 8 лет. Внесудебный характер этих репрессивных действий МВД в дальнейшем объяснило следующим образом: крестьяне выселялись не в наказание, а в результате особых государственных мероприятий. Историк В.Ф. Зима отмечает, что поскольку в послевоенной деревне тунеядцев были единицы, под действие указа в основном попали фронтовики, вдовы, старики и молодежь. Большую часть высланных составили женщины¹⁸.

Контингент «указников» в сравнении с другими группами спецпоселенцев в СССР был небольшим – за четыре года на спецпоселение поступило 33266 человек. Они были расселены преимущественно в Сибири и на Дальнем Востоке. Динамика их численности в Красноярском крае выглядела следующим образом: на 1 января 1949 г. – 397 чел.; на 1 января 1952 г. – 1995 чел.; на 1 января 1953 г. – 2332 чел.¹⁹ «Указники» были распределены между двадцатью районами края, а также в города Черногорск, Красноярск, Игарка. Треть спецконтингента находилась в Хакасии – на приисках Ширинского и Таштыпского районов. Более 600 чел. состояли на учете в спецкомендатурах Северо-Енисейского района. Таким образом, география размещения большей части «указников» была обусловлена нуждами горнорудной и золотодобывающей отраслей.

В начале 1950-х гг. спецссылка продолжала пополняться новыми социально «неблагонадежными» контингентами. В 1951 г. на спецпоселение прибыли выселенные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. «...за уклонение от общественно полезного труда и за ведение антиобщественного паразитического образа жизни». К 1953 г. в Красноярском крае их насчитывалось 453 человек.

Таким образом, появление в послевоенный период новых, национально неокрашенных контингентов свидетельствовало о распространении на новые социальные группы методов принудительных переселений.

Количественный рост спецпоселенцев в крае происходил также за счет частичного пополнения уже находившихся на учете национальных контингентов. Так, численность немцев-спецпоселенцев за период 1944–1952 гг. выросла с 46627 чел. до 60175 чел.²⁰ Такой прирост обеспечили не только репатрианты немецкой национальности, зачисленные на спецпоселении в данный контингент, но и мобилизованные в трудармии и вернувшиеся к семьям немцы. Последнее обстоятельство способствовало подъему рождаемости в немецких семьях в конце 1940-х гг.

Таким образом, можно выделить ряд факторов, обеспечивших рост количества спецпоселенцев в Красноярском крае к началу 1950-х г.: 1) сохранение государственной политики принудительных переселений; 2) естественный прирост контингентов за счет появившегося после длительной адаптации, превышения рождаемости над смертностью. Очевидно, что в послевоенный период произошло не только воспроизводство актов депортаций, но и обозначился небольшой естественный прирост внутри самой спецпоселенческой системы. В итоге, к началу 1950-х гг. сформировавшийся спецпоселенческий организм стал одним из исправно действующих элементов советского общества.

За годы осуществления послевоенных национальных депортаций контингенты появились во всех районах Красноярского края. Постоянные внутренние миграции изменили географию расселения спецпоселенцев, высланных в край накануне и в годы Второй мировой войны. Наиболее крупные – немецкий и калмыцкий контингенты – существенно расширили ареал своего проживания. Немцы оставались самым многочисленным контингентом и жили в 1952 г. во всех районах и крупных городах края, включая Красноярск. Калмыцких семей в начале 1950-х г. было гораздо меньше, чем немецких, но их также можно было встретить в большинстве районов Красноярского края. 16000 калмыков состояли на учете в 133 спецкомендатурах. Наиболее крупными местами их дислокации были Ужурский, Рыбинский, Канский, Боготольский. Ачинский районы. Распыление национальных контингентов должно было усилить ассимиляционные процессы и активизировать их адаптационные возможности.

Расширение масштабов спецссылки, вторичные депортации приводили к тому, что спецпоселенцы постепенно становились неотъемлемой частью местного социума, существенно разбавляли городское и особенно сельское население.

Расселение депортированных утрачивало спонтанные формы, присутствовавшие в годы войны, и подчинялось, в первую очередь, интересам экономического развития края. Ярким примером такого подхода может служить появление контингентов в краевом центре в середине и второй половине 1940-х гг. На предприятиях Красноярска трудились не только советские немцы и калмыки, но и «социально неблагонадежные» «оуновцы» и «власовцы».

Местные власти были явно заинтересованы в дополнительной рабочей силе, прибывавшей в край. Послевоенное развитие и дальнейшее хозяйственное освоение края требовали новых рабочих рук. Плановое переселение не удовлетворяло имеющегося спроса. К тому же, по признанию начальника переселенческого отдела при крайисполкоме А.В. Киселева, «...вселение в северные районы плановых переселенцев из центральных областей СССР очень трудное, т.к. (они) в северные районы Красноярского края не желают вселяться, боятся морозов и других северных условий, тогда как эти районы нуждаются в рабочей силе». В этих условиях ценность депортированных контингентов значительно возрастала. Тот же А.В. Киселев рекомендовал вселить в колхозы северных районов в 1951 г. 1500 спецпоселенческих семей.²¹

Планы распределения будущей рабочей силы составлялись за 1,5–2 месяца до поступления спецпоселенцев в край. В дальнейшем действовала привычная схема – подготовкой к приему контингентов занимались представители местных исполкомов и хозяйств, куда должно было производиться вселение, контроль за ходом подготовительных работ возлагался на ОСП УМВД КК.

УМВД, как и ранее, оставалось главным распорядителем поступающей рабочей силы. Именно это ведомство принимало окончательное решение о размещении контингента на территории края. УМВД строго следило за сохранением своей монополии на рабочую силу и пресекало любые попытки районных и хозяйственных организаций самовольно производить перемещения спецпоселенцев. Красноярский крайисполком в марте 1950 г. вынес соответствующее решение по этому поводу, запретив районным и хозяйственным организациям производить переселение выселенцев-спецпереселенцев без предварительного решения краевого управления МВД.

Заинтересованность местных руководителей в дополнительных рабочих кадрах вовсе не означала их полную готовность к приему контингентов. Как и раньше, подготовленного жилья часто не хватало, и прибывших размещали по принципу «куда придется»: в клуб, в контору, в «порядке уплотнения рабочих совхоза», в необорудованные бараки, в лучшем случае – в подготовленные для плановых переселенцев дома.

География размещения послевоенных депортированных контингентов в крае показала, что при сохранении главного принципа экономической целесообразности это распределение имело свою специфику. Она обуславливалась, на наш взгляд, численностью контингента и возможной производственной пригодностью на новом месте жительства.

Примечания

- ¹ Полиция и милиция России: Страницы истории / сост. А.В. Борисов, А.Н. Дугин. – М., 1995. – С. 204; 211.
- ² Семиряга, М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. – М., 2000. – С. 252–253.
- ³ Полиция и милиция России: Страницы истории / сост. А.В. Борисов, А.Н. Дугин. – М., 1995. – С. 206.
- ⁴ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 489, л. 31.
- ⁵ Полян, П.М. Не по своей воле ... (история и география принудительных миграций в СССР) / П.М. Полян. – М., 2001. – С. 48.
- ⁶ Красноярский край в истории Отечества: кн. 3. 1941–1953. Хрестоматия для учащихся старших классов средних школ. – Красноярск, 2000. – С. 301.
- ⁷ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 597, л. 260, д. 642, л. 274–275; Земсков, В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930–1960 / В.Н. Земсков; Ин-т рос. истории. – М., 2003. – С. 209.
- ⁸ Земсков, В.Н. Указ. соч. – С. 165.
- ⁹ Бугай, Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» / Н.Ф. Бугай. – М., 1995. – С. 209.
- ¹⁰ ОСФиРИЦ ГУВД КК. Сводная таблица о расселении спецпоселенцев в Красноярском крае (01,01,1952 г.).
- ¹¹ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 489, л. 31.
- ¹² Земсков, В.Н. Указ. соч. – С. 155.
- ¹³ Там же. – С. 155.
- ¹⁴ ОСФиРИЦ ГУВД КК. Сводная таблица ...
- ¹⁵ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 475, л. 15.
- ¹⁶ ОСФиРИЦ ГУВД КК. Сводная таблица ...
- ¹⁷ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 597, л. 237; ОСФиРИЦ ГУВД КК. Сводная таблица ...
- ¹⁸ Зима, В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) / В.Ф. Зима // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 109.
- ¹⁹ Земсков, В.Н. Указ. соч. – С. 165, 214; ОСФиРИЦ ГУВД КК. Сводная таблица ...
- ²⁰ Красноярский край в истории Отечества ... С. 301; ОСФиРИЦ ГУВД КК. Сводная таблица ...
- ²¹ ГАКК, фр. 2137, оп. 1, д. 249, л. 2.

